

Восток — Запад, или Пятьдесят на пятьдесят, или Пятьдесят на двоих...

Вот такая идея родилась не так давно у нас с моим другом художником, режиссером, писателем Ваней Миляевым.

Он известен больше всем как сын той самой Шурочки из бухгалтерии из фильма Эльдара Рязанова «Служебный роман», актрисы Людмилы Ивановой и замечательного барда Валерия Миляева, автора песни «Весеннее танго».

Сидели мы как-то в кафе за чашкой чая, и в такие моменты как раз и приходят умные мысли и безумные идеи.

И вот родилась такая идея выпуска совместной книги, где были бы представлены поровну наши прозаические эксперименты. Новеллы, эссе, такие художнические наблюдения за жизнью авторами, которые не являются в привычном понимании писателями, они, скорее, художники, подглядывающие за жизнью.

Как точно сказал один мой приятель, это чистейшей воды литературный импрессионизм, и он, конечно же, прав, во всяком случае я описываю увиденное словами, щедро пересыпая фразы прилагательными, порой не переводимыми на другие языки.

Кстати, это тоже важно: я, будучи рожденным в сугубо восточном мире и начав говорить с детства на азербайджанском языке, плоть от плоти азербайджанец, и прапрадед, и прадед, и дед, и отец, и прабабушки, и бабушки — все восточные люди, а я пишу на русском языке.

Русская культура, проза выросла через мое сознание, никоим образом не повредив восточный менталитет и культуру, в которой я родился, а только обогатила меня, сделав мой внутренний мир шире ровно еще на один менталитет, а затем, узнавая разные языки и культуры, я приобретал все больше и больше.

Я одинаково люблю поэзию Насими и Низами, прозу Чехова и Булгакова. Но об этом в другой раз.

Почему «Восток — Запад»? Да потому, что два мира и две культуры существуют в нас. Мы азиаты и мы же европейцы.

Совсем недавно, общаясь со своим студентом из Ирана (кстати, на его родном, это нетрудно: зная старозабайджанский и старотурецкий, можно легко говорить на фарси), я вдруг узнал, что Восток — дело тонкое и что нам кажется нормальным — интонации, тональность речи, жестикация активная и тактильный контакт, — легко может быть истолковано как агрессия. Все дело в ментальности!

Так почему «Восток — Запад»? Да потому, что у нас нет другой альтернативы, как жить и развиваться вместе. Россия и Турция тому пример, посмотрите, сколько было войн между ними, а нынешние отношения развиваются и крепнут, и нет другого пути!

И мы с Ваней хотим еще более их расширить, способствовать проведению выставок и конференций, налаживанию связей между художниками двух стран, кинематографиста-

ми и театральными деятелями России и Турции.

Почему мы? А потому, что и я, и Ваня — кинематографисты и театралы, художники и писатели, и кому, как не нам, сблизить эти две страны. Опять-таки, я живу на эти страны, читаю лекции в Анкаре и Стамбуле на турецком, преподаю, конечно же, в Москве!

Скажу больше: написанную мной пьесу «Дачники, или Ужин на Босфоре» собираются поставить в Турции, и я даже перевел ее на турецкий сам.

Моими кумирами, примерами для подражания в литературе являются Тютчев, Бунин и Паустовский, Тургенев и Лесков, Куприн, а их язык полон прилагательных и причастий с деепричастиями, которые не переводятся.

Почему «Восток — Запад»?

Да потому, что я пишу на русском языке, а рассказы мои понятны и близки жителям моего родного Баку, Ичери Шехера, обитателям апшеронских селений, Новханов, Пиршагов, Мардакян и Нардарана и Бильгя.

Я часто посвящаю свои рассказы седому Каспию, ветру Хазри, песчаному Апшерону, сплошь поросшему кривыми инжирниками, наполовину занесенными все тем же раскаленным песком.

И в то же время, мне так кажется, мои эссе близки многим в Москве, я живу здесь уже скоро тридцать пять лет, я люблю осенние Патриаршие, зимний Чистопрудный бульвар, Замоскворечье, Новодевичий, люблю

ароматные, пронизанные духом Гиляровского московские улочки, которые исходил, рисуя еще в студенческие годы.

Да, я обожаю возвращаться в Москву из поездок, а их у меня много по работе, я люблю, садясь в такси, говорить о непогоде, которая была вчера или позавчера, наблюдать за бегущими огоньками Ленинградского шоссе и даже постоянную пробку этой дороги люблю!

Восток и Запад, Европа и Азия неразрывно переплелись во мне, и невозможно их оторвать, и сам я иногда не понимаю, кто я.

Ведь если кому-то в России и в Москве я скажу, что я тут не родной и нахожусь на чужбине, меня как минимум поднимут на смех —

да-да, и среди кинематографистов, друзей и товарищей, и среди художников, и среди коллег по киношколе и институту, где преподаю.

А когда я приезжаю в Баку, то первым делом встречающие меня в аэропорту говорят «Ветене Хош Гялдин» и приветствуют с возвращением, и как я им скажу, что я приехал в гости, они не поверят и скажут, что это неправда, я приехал домой!

А когда я, месяц пробыв у себя в Турции, мотаясь из родного за десять лет Бодрума то в Стамбул, то в Анкару, то в Измир, вдруг собираюсь в Москву, то мои чудесные соседи турки, многочисленные друзья, так вежливо интересуются, не отдавая отчет, что это мой мир, а чего это вдруг меня

туда потянуло, ведь там и холодно, и зеленая зима постоянно, и язык непонятный.

Почему пятьдесят на пятьдесят?

Наверное, потому, что мы с Ваней оба одного возраста и недавно перешагнули пятидесятилетний рубеж.

Почему пятьдесят на двоих?

А потому что оба и художники и писатели, напополам!

Вот и решили объединить свои усилия «пятьдесят на пятьдесят» и «пятьдесят на двоих»!

Да и рассказов у нас в грядущей книге, которая, дай бог, увидит свет в 2019-м, будет по пятьдесят от каждого!

Вот такой получился «Восток — Запад», вот такие получились «пятьдесят на пятьдесят», и я люблю это и живу этим!

ИЗУМРУДНЫЕ ЖУКИ

Посвящение выставке «Магия театра и кино — 2018» и всем художникам

В сущности, я все время живу во снах, а в действительность лишь наношу визиты.

Ингмар Бергман

Я очень люблю приходить на выставку уже после открытия и всех связанных с этим торжеств. В тишине и в одиночестве внимательно разглядываю каждого художника и его произведение.

С пристрастием! Когда все поздравления отзвучали, все вспышки фото- и кинокамер отсветили, а в залах слышны редкие шаги посетителей.

А все потому, что для меня каждое полотно или графический

лист — это такой срез. Мгновение, запечатленное, словно фото интересного и своеобразного чудного мира каждого из них (имею в виду художников).

А еще художники мне напоминают причудливых насекомых из моего детства. Объясню почему.

У дома моей бабушки росло большущее ивовое дерево. Ствол в обхвате был больше двух метров. Ветки фантастическим пологом накрывали балкон, распо-

ложенный на втором этаже. Когда ты входил под эту зеленую крышу, шелест листьев, стрекот насекомых и щебет воробьев окружал тебя, унося в сказочный мир.

Но самое интересное, что весь балкон был усыпан изумрудными существами. Жуками-офицерами, как мы их называли. Около четырех сантиметров в длину, с большими антеннами усами, загибающимися на концах, как у франтов «унтеров»!

Они были абсолютно безопасны и крайне неуклюжи на земле. Зато прекрасно летали, издавая громкое жужжание. И каждый мальчуган из нашей дворовой уличной «банды» стремился обзавестись таким чудищем.

Можно провести аналогию с фильмом «Аватар», где каждый взрослый мужчина должен был приручить своего дракона-экрана, помните?

Так и мы. У каждого уважающего себя мальчугана должен был быть свой собственный жук, и чем он был крупнее, тем к тебе было больше уважения.

Поймав жука, мы привязывали к его задней лапке нитку, и таким образом он становился нашей собственностью. Навсегда. Мы хранили своих драгоценных насекомых в спичечных коробках, в которые они с трудом умещались и в которых издавали завораживающее жужжание.

Выходя в урочный час на улицу, мы мерились размерами жуков, а затем запускали их в небо. Они взлетали достаточно далеко, настолько, насколько позволяли нитки, крепко привязанные к ним.

Со стороны ватага мальчишек выглядела как группа запускающих воздушных змеев. Разноцветные нитки переливались всеми цветами радуги в лучах солнца. Станный гул доносился сверху, от облачка пытающихся улететь жуков.

Но нить крепко удерживала их, и дети, дав им возможность полетать, тащили их обратно, беспощадно наматывая нить на катушку.

Иногда какому-нибудь насекомому удавалось вырваться из рук своих маленьких мучителей. Но это происходило ценой потери одной из задних конечностей, она просто отрывалась с узелком нитки. Жук взмывал в небо, но был уже обречен.

Какая аналогия, вы спросите?

Мне кажется, художники — это те же самые изумрудные жуки с привязанными к их ногам нитками. Нитками быта и ежедневных забот, повседневных дел и многого другого, что насильно удерживает их в этом мире.

Они частенько взмывают и улетают в свои миры, миры, где живет удивительная живопись, непонятная графика, чудные скульптуры.

Но через какое-то время нить натягивается и начинает наматываться невидимой рукой на такую же незримую катушку, и он, художник, отчаянно пытается вырваться, беспомощно машет своими изумрудными крыльями. Но рука наматывающего беспощадна, и он скоро снова оказывается в нашем обычном мире.

Порой некоторым из них, путем жертвы конечности, за которую

он привязан, удается освободиться, и тогда он уносится в свой мир, в свои картины навсегда, освободившись от пут.

Но мы же понимаем, что он обречен на скорую гибель без ноги.

И они на самом деле живут именно там. Среди крапчатых облаков с бирюзовыми подвесками каплей дождя, среди «охристых» фантастических деревьев, цветущих фиолетовыми кувшинками на ветках.

В этом мире разгуливают огромные быки из «Травяты», сверкая рубиновыми гранями своих покатых боков и выпускающая сизый пар из раздуваемых ноздрей.

Там поют малиновые птицы в густых ивовых кронах и тишина холодной тиондиговой ночи очаровывает «васильковым» букетом на скамейке.

Они там летают, подобно изумрудным жукам из детства, в своих причудливых галактиках и измерениях.

А тем, кто прочно держит в руках сматываемую катушку, кажется, что они принадлежат именно им и никому больше.

Заблуждение.

Они лишь возвращаются к нам не по своей воле, влекомые скручиваемой нитью, и при любой возможности улетят вновь в свои «райские кущи».

06.02.2018, г. Москва

